

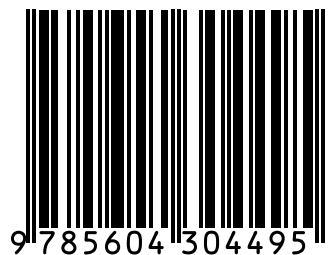
Ближний Восток: к архитектуре новой стабильности?

Виталий Наумкин, Василий Кузнецов

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-6043044-9-5

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Авторский коллектив

Наумкин Виталий Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор, академик РАН,
научный руководитель Института востоковедения РАН,
заведующий кафедрой региональных проблем
факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова,
главный редактор журнала РАН «Восток (Oriens)»

Кузнецов Василий Александрович

Кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских
и исламских исследований Института востоковедения РАН,
доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Доклад подготовлен по заказу Фонда развития
и поддержки Международного дискуссионного
клуба «Валдай» научным коллективом Института
востоковедения РАН

Содержание

- 4 Проблемные дихотомии, противоречия и другие факторы развития
- 8 Сценарии для субрегионов
- 10 Расширенный Машрик
  - Негативные сценарии: маятник
  - Позитивные сценарии: взаимообусловленность
- 16 Магриб: три пути
- 17 Общерегиональный уровень: фрагментация, дезинтеграция, интеграция
- 20 Будущее Ближнего Востока и Россия

Ближний Восток в 2019 г. побил все рекорды по числу неожиданных событий. Смена власти в Алжире и Судане, массовые протесты в Ливане и Ираке, сенсационные результаты выборов в Тунисе, нескончаемый электоральный процесс в Израиле, очередная эскалация в американо-иранских отношениях, новые повороты в сирийском, ливийском и йеменском конфликтах – список можно продолжать. Впрочем, не менее спонтанно ближневосточная эпопея развивалась и в прошлые годы. И, судя по началу 2020-го, тенденция не изменилась: непредсказуемость и внезапность стали фирменным стилем ближневосточного политического процесса.

Поэтому, наверное, неслучайно, что именно выходец с Ближнего Востока обогатил мировой политической лексикон понятием «чёрный лебедь». Это был американский риск-менеджер, писатель и экономист ливанского происхождения и православного вероисповедания Нассим Николас Талеб. Согласно его идее, события, переворачивающие естественный ход истории, – «чёрные лебеди» – обладают тремя характеристиками: аномальностью, силой воздействия и ретроспективной предсказуемостью, означающей свойственное человеку стремление задним числом описывать событие так, что оно вовсе не кажется беспричинным (*hindsight*). «Арабская весна», вооружённые конфликты и дипломатические кризисы, революции и перевороты, ошарашивая сначала, через какое-то время получали столько объяснений, что начинали казаться едва ли не единственно возможными результатами процессов, некогда скрытых от глаз или просто неучтённых.

Однако, может быть, всё обстоит иначе, и внезапность этих событий – вовсе не следствие недостатков аналитической оптики, а фундаментальное свойство социального бытия? Присущая Ближнему Востоку причудливая игра причинности и беспричинности ведёт к удивительному сочетанию в этом регионе изменчивости и неизменности политической реальности. Здесь всегда что-то происходит и в то же время ничего никогда не меняется. «Чёрные лебеди», внезапно меняющие событийный ландшафт, сталкиваются с вязкостью политической рутины, которая нарушается неожиданными прорывами и бурным развитием, развитие оборачивается хаосом, а хаос – новой стабильностью.

Всё это, кажется, обесмысливает политическое прогнозирование. Однако если принять в расчёт подходы Талеба, учесть давным-давно сформулированный американским социологом Робертом Мертоном «закон непреднамеренных последствий» (*Law of Unanticipated Consequences*), отказаться от «бухгалтерской» мелочности высчитывания вероятности тех или иных прогнозов, то обращение к сценариям будущего обретёт новый смысл. Эти сценарии позволят ограничить область возможного. Но не стоит забывать о том, что действительность способна развернуть шкалу вероятности на 180 градусов.

Проблемные дихотомии, противоречия и другие факторы развития

События, разрушающие стабильность и несущие непредсказуемые последствия для региона, лежат в русле базовых дихотомий, значимость которых в ходе свершающихся сегодня трансформаций только возрастает.

Одна из них – **унитаризм vs децентрализация**.

Если посмотреть на эволюцию конфликтов, сотрясающих Ближний Восток и втягивающих в свою орбиту всё новых игроков, нетрудно увидеть, что эта старая как мир «бинарная пара» предопределяет непреодолимую силу конфликтности. Нерешаемость заложенного в ней противоречия мотивирует игроков на продолжение борьбы, в том числе вооружённой. Этим пользуются внешние акторы, навязывающие противоборствующим сторонам свои повестки и преследующие собственные интересы, которые зачастую противоречат интересам самих региональных акторов.

Казалось бы, децентрализация – напрашивающееся решение для Сирии, Ливии, Йемена, раздробленных в результате войн. Она способствовала бы преодолению «спящей» или погашенной конфликтности и в ряде других ближневосточных государств. Список кандидатов может быть длинным, однако решать проблему или превентивно вносить её в повестку дня – дело самих государств. Правда, частичная федерализация не привела к стабилизации в Ираке, но зато остановила многолетнюю историю арабо-курдских распрей в этой стране. В то же время уникальная федеративная модель Объединённых Арабских Эмиратов носит устойчивый характер, обеспечивает стабильность и высокие темпы развития.

События последних месяцев внушают некоторый оптимизм по поводу возможности преодоления острого противоборства между меньшинствами, выдвигающими требования автономизации в составе государств, где они живут, и их правительствами, не склонными идти им навстречу и опасющимися сецессии. Немалую роль здесь играют те компромиссы, которых удаётся достичь влиятельным внешним акторам, стремящимся остановить насилие и побудить стороны к переговорам. В этом контексте нельзя не упомянуть достигнутую в январе 2020 г. договорённость между президентами России Владимиром Путиным и Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом, которая

позволила убедить конфликтующие стороны прекратить огонь в Ливии (а также в сирийской провинции Идлиб), что, впрочем, не помешало лидерам конфликтующих ливийских лагерей отказаться от подписания соглашения о перемирии 13 января в Москве.

Есть и более широкая проблема, касающаяся прав этнических и религиозных меньшинств и имеющая непосредственное отношение к застарелому палестино-израильскому конфликту. Конечно, и сам конфликт масштабнее: он обладает как общеарабским, так и международным (межгосударственным) измерениями, однако в его основе – соперничество палестинских арабов и евреев за землю Палестины. Очевидно, что односторонние шаги, предпринятые президентом США Дональдом Трампом в отношении этого конфликта, не только не способствуют его разрешению на пути, зафиксированном в резолюциях Совета Безопасности ООН, но и практически делают это разрешение невозможным. Обнародованная американской администрацией 28 января 2020 г. «сделка века» не внушает оптимизма. Проект создания нежизнеспособного и явно неприемлемого для палестинцев государства «Новая Палестина» убеждает, что попытки реализации этого плана в перспективе лишь обострят напряжённость.

Ещё одна дихотомия – **светское vs религиозное**.

Спектр моделей здесь весьма широк – от теократических режимов (Исламская Республика Иран) до тех, которые в конституционном порядке декларируют светский характер государственного устройства. И хотя последнее относится только к Турции, парадокс в том, что именно в этой стране у власти находится Партия справедливости и развития – партия умеренной исламской ориентации, получившая поддержку большинства населения в ходе демократического волеизъявления через выборы. В Иране, где организующим принципом государственности является доктрина «веляят-е факих» («правление мусульманского правоведа»), существуют и реально работают все институты демократических государств (парламент, политические партии, система выборов и тому подобное). Уникальный характер носит устройство Ливана с его квотной системой представительства конфессиональных групп во власти. Особая, ведущая роль маронитской общины причудливо сочетается здесь с растущим влиянием военно-политических институтов шиитов (в частности, «Хезболлы» как субгосударственного актора), что усиливает внутреннюю напряжённость, которой могут пользоваться внешние силы для подрыва стабильности. На секулярном характере будущей государственности Сирии, ставшей главным предметом обсуждения в ходе переговоров в Женеве, настаивали официальные сирийские представители, что вызывало резкое неприятие со стороны исламистской части оппозиции.

Эта сложная и противоречивая картина не будет полной, если не упомянуть о сохранении в регионе радикальных джихадистских группировок, запрещённых в России (к примеру, в сирийской провинции Идлиб находятся десятки тысяч хорошо вооружённых боевиков), хотя попытка ИГИЛ построить свою уродливую модель государственности провалилась.

Говоря о неоднозначном процессе трансформации в регионе, стоит отметить значимость реформ, развёрнутых в Саудовской Аравии их главным инженером – наследным принцем Мухаммедом бин Салманом. Однако традиционно любые реформы сталкиваются с общественным сопротивлением, которое иногда трудно преодолевать даже при наличии властных ресурсов. Саудовская Аравия – не исключение.

Конечно, не все противоречия, определяющие региональную картину, могут быть описаны через бинарные оппозиции: ближневосточные страны страдают и от других острых проблем, решение которых давно назрело. В этом списке ресурсные дисбалансы, просчёты и неудачи нациестроительства, отсутствие приемлемого общественного договора, дефицит высокопрофессионального управления и эффективно работающих институтов, провал планов создания региональной архитектуры безопасности.

При всей комплексности и многосоставности каждой из проблем сложность выстраивания сценариев будущего связана ещё и со спецификой региональной ближневосточной среды, где параллельно действует множество акторов самого разного уровня (от локального до глобального) и разной природы (от местных племенных ополчений и конфессиональных милиций до правительств, от религиозных общин до транснациональных корпораций). Каждый из этих акторов руководствуется собственным нарративом, а взаимодействие практически не институционализируется.

Всё вышеперечисленное предопределяет многообразие и разнородность факторов развития региона. Одни из них связаны с фундаментальными проблемами и тенденциями, а другие носят конъюнктурный и даже случайный характер. Но в среднесрочной перспективе воздействие первых и вторых оказывается уравновешенным, а вся совокупность факторов может быть подразделена на четыре основные группы.

Первая – фундаментальные факторы, имеющие отношение к историческим процессам большой длительности и связанные в первую очередь с социально-экономическими и экологическими явлениями, причём не только регионального, но и глобального характера: ресурсные, демографические и гендерные дисбалансы, нехватка воды и продовольствия и другие. Эти факторы, всегда в той или иной степени определявшие специфику

регионального развития, в последние годы стали находить острое политическое выражение, сказываясь на актуальной повестке регионального и странового развития. Например, проблема дефицита воды, лежащая в основе целого ряда конфликтов, часто эксплуатируется теми или иными политическими игроками. Но если демографические дисбалансы и природные катаклизмы были среди ключевых причин «арабской весны», то в последующие годы на первый план стали выходить и иные фундаментальные проблемы, в том числе гендерного неравенства и весьма заметного ухудшения качества жизни, с которыми уже не хочет мириться значительная часть населения стран Ближнего Востока. Кстати, именно эти проблемы оказались драйверами протестных движений 2019 г.

Вторая группа – идейно-политические факторы. К ним относится, с одной стороны, нехватка или слабость институтов, которые закрепляли бы резистентность политических систем государств региона к существующим и новым вызовам и угрозам, обеспечивали бы готовность к запуску или продолжению необходимых реформ, а также к постконфликтному восстановлению систем управления. С другой стороны – чисто идеологические факторы. Несмотря на популярную несколько лет назад точку зрения об отмирании идеологии в современном мире, Ближний Восток продемонстрировал неожиданное её возвращение. Именно вопросы идеологии, культурно-цивилизационного выбора, определения стратегий национального развития стояли в центре общественного внимания в странах региона в 2010-е годы. С ними было связано противостояние исламистов и светских сил в 2011–2013 гг., меж- и внутриконфессиональная борьба последующих лет и попытки новой национальной консолидации в ряде государств в последние два года. Эти же вопросы играли едва ли не основную роль в образовании новых региональных балансов.

Третья группа – международные и военно-политические факторы, связанные как с изменением ситуации в конфликтах, так и с внешнеполитическими стратегиями региональных и глобальных акторов.

Наконец, в отдельную, четвёртую группу можно выделить деятельность экзистенциальных спойлеров – антисистемных сил – и политических лидеров, особенно ярко проявляющих себя в условиях турбулентности и слабости институтов.

Трудноразрешимые проблемные дихотомии, комплексные противоречия, специфическая региональная среда и разнородность факторов развития позволяют предложить довольно широкую палитру сценариев регионального развития, работа с которыми, однако, должна учитывать постоянную вероятность появления на горизонте «чёрных лебедей».

Сценарии для субрегионов

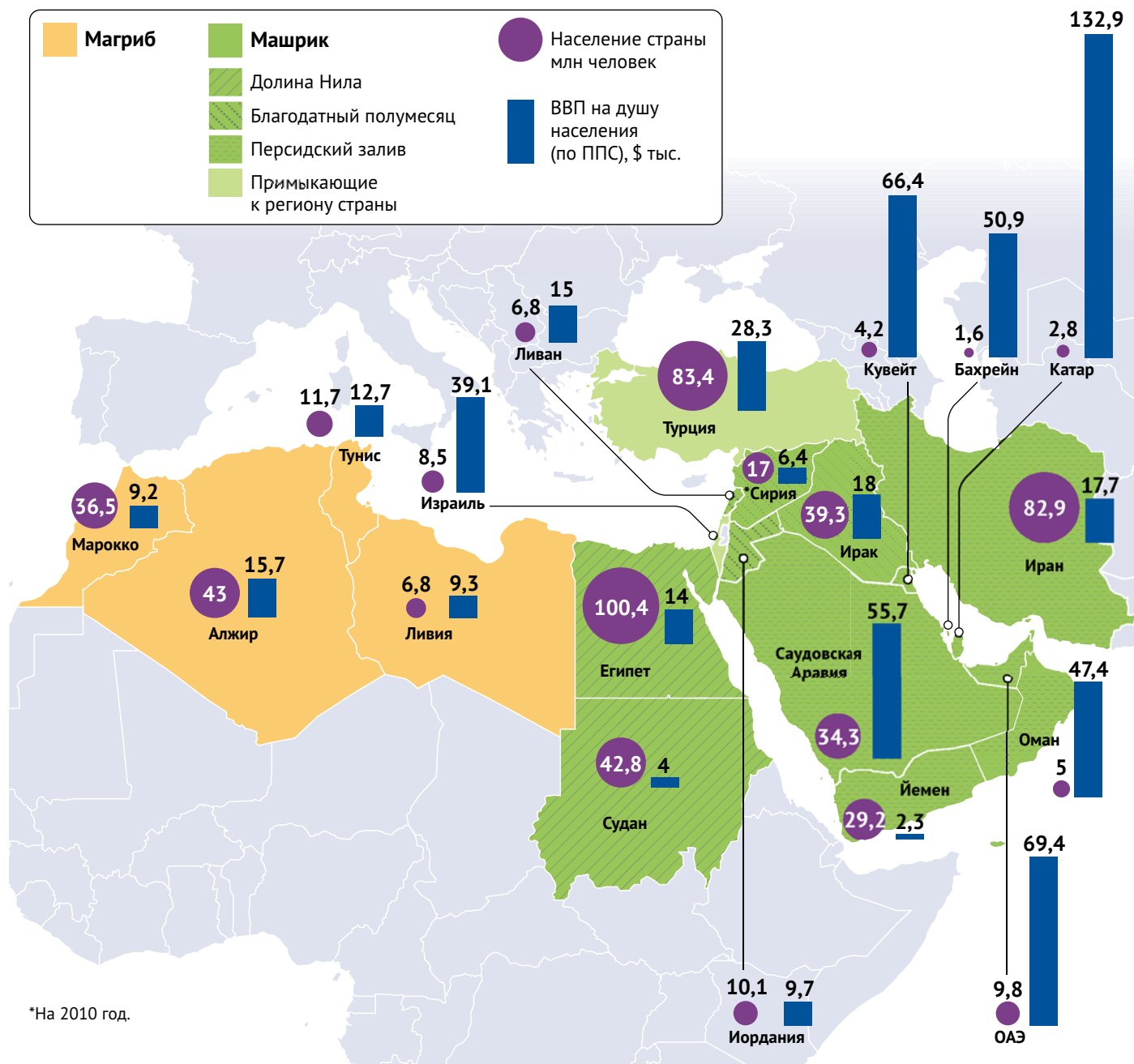
Выстраивать сценарии лучше по принципу «снизу вверх» (от внутри- и межстранового и субрегионального к общерегиональному уровню), поскольку основная часть факторов, имеющих ключевое значение для регионального развития, связана именно с базовыми проблемами отдельных обществ и государств, а не с глобальной повесткой дня. Соответственно, именно положение дел в отдельных странах будет определять ситуацию в субрегионах, а затем и во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА).

Сформировавшийся в XX в. единый политический регион, БВСА исторически отчётливо делится на западную (Магриб) и восточную (расширенный Машрик) части. Последняя, включающая в себя помимо собственно арабских государств также Израиль, Турцию и Иран, в свою очередь делится на три субрегиона: Долина Нила (Египет и Судан), Благодатный полумесяц (Ливан, Сирия, Ирак) и Персидский залив (страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – ССАГПЗ, Иран, Ирак), в орбиту влияния которого попадает также Йемен.

При всей условности деления (Ирак и Иордания принадлежат одновременно к двум субрегионам; Турция и Израиль, формально не будучи частью Благодатного полумесяца, вовлечены в происходящие в нём процессы) эти пространства обладают вполне очевидными общностями исторических, социальных, экономических и политических черт, не только способствующих внутреннему единству каждого из них, но и принципиально отличающих их друг от друга. Динамика политических процессов последних лет позволяет лишь частично прогнозировать взаимозависимые траектории развития субрегионов. Активно влияющие друг на друга процессы в Заливе и странах Благодатного полумесяца косвенно транслируются на Египет и Судан и в гораздо меньшей степени – на страны Магриба. В то же время негативный сценарий для Долины Нила может вовлечь в свою орбиту все страны региона.

Взаимовлияние ситуаций в субрегионах Залива и Благодатного полумесяца сохранит ассиметричный характер. С одной стороны, страны Благодатного полумесяца остаются объектом воздействия государств Персидского залива, с другой же – являются для последних источником как вызовов и угроз, так и геостратегических и человеческих ресурсов.

СУБРЕГИОНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Источники: ООН (2019), МВФ (2019).

Подобная асимметрия означает, что ситуация в Заливе продолжит играть определяющую роль для Благодатного полумесяца, равно как, хоть и в меньшей степени, для Долины Нила.

Расширенный Машрик

Негативные сценарии: маятник

Причинами развития негативного сценария для восточной части БВСА могут послужить сохранение напряжённости в ирано-саудовских отношениях, хрупкость социально-политической стабильности внутри этих двух государств и продолжение конфликта в Йемене. Логика дилеммы безопасности в ирано-саудовских отношениях, уверенность каждой из сторон в возможности решительной победы и ставшая уже привычной игра Вашингтона на противоречиях между региональными акторами способствуют реализации этого сценария. В то же время события последних месяцев говорят о постепенном изменении позиций всех ключевых игроков. Оказавшиеся в 2019–2020 гг. как минимум дважды на пороге большой войны, Иран и Саудовская Аравия продемонстрировали способность к быстрой деэскалации и стали проявлять стремление к снижению градуса внешнеполитического авантюризма.

Стремление саудовских лидеров осуществить жизненно важные социально-политические реформы, вынужденность иранского руководства противостоять тяжёлым экономическим санкциям и бороться с ухудшением экономической ситуации в стране подталкивают правящие элиты двух государств к тому, чтобы сосредоточиться на внутривнутриполитической повестке и более осторожно вести себя за пределами своих границ. Вместе с тем национальная консолидация и уже сделанные военно-политические «инвестиции» как в йеменский конфликт, так и в страны Благодатного полумесяца делают полный пересмотр внешней политики Тегераном и Эр-Риядом маловероятным и заставляют их поддерживать определённый уровень напряжённости.

Бесконечное хождение по острию ножа Ирана и Саудовской Аравии не только работает на сохранение негативной международной среды и создаёт множество взрывоопасных ситуаций, но и способствует развитию проецируемого на другие регионы (Йемен, Ливию) соперничества между арабскими государствами Залива, что, естественно, становится препятствием к урегулированию конфликтов.

Важным измерением развития ситуации являются отношения внутри ССАГПЗ, прежде всего между Саудовской Аравией, Бахрейном (вместе с Египтом), с одной стороны, и Катаром — с другой. Всё это делает практически невозможным улучшение положения в странах Благодатного полумесяца, ситуация в которых может развиваться по одному из двух сценариев — негативному или катастрофическому.

Негативный сценарий близок к сохранению статус-кво. Он предполагает отсутствие политического урегулирования сирийского конфликта, что чревато его новым обострением в особенности на фоне выборов 2021 г. Недопущение эскалации в значительной степени будет зависеть от подходов сирийского правительства к проблеме урегулирования и постконфликтного восстановления. Успешность последнего требует улучшения системы управления, борьбы с расцветшими на некоторых территориях в условиях конфликта коррупцией, бандитизмом и теневой экономикой. Без эффективного лечения этих социальных недугов эффективное постконфликтное восстановление окажется невозможным даже при наличии существенной внешнеэкономической помощи. Наконец, для предотвращения новой эскалации сирийскому правительству стоит обратить внимание на проблему реконсолидации населения и его постконфликтной реабилитации.

В условиях незавершённого урегулирования сирийского конфликта и сохранения ирано-саудовского противостояния будет расти негативная социально-политическая динамика в Ливане и Ираке. С высокой долей вероятности это вновь поставит на повестку дня вопрос о независимости Иракского Курдистана, а затем, возможно, и обострит курдский вопрос в других странах региона. Кроме того, отделение Курдистана и изменение конфигурации политического пространства в других частях страны стимулируют новые раунды борьбы за власть между элитами и породят очередную волну гражданского противостояния.

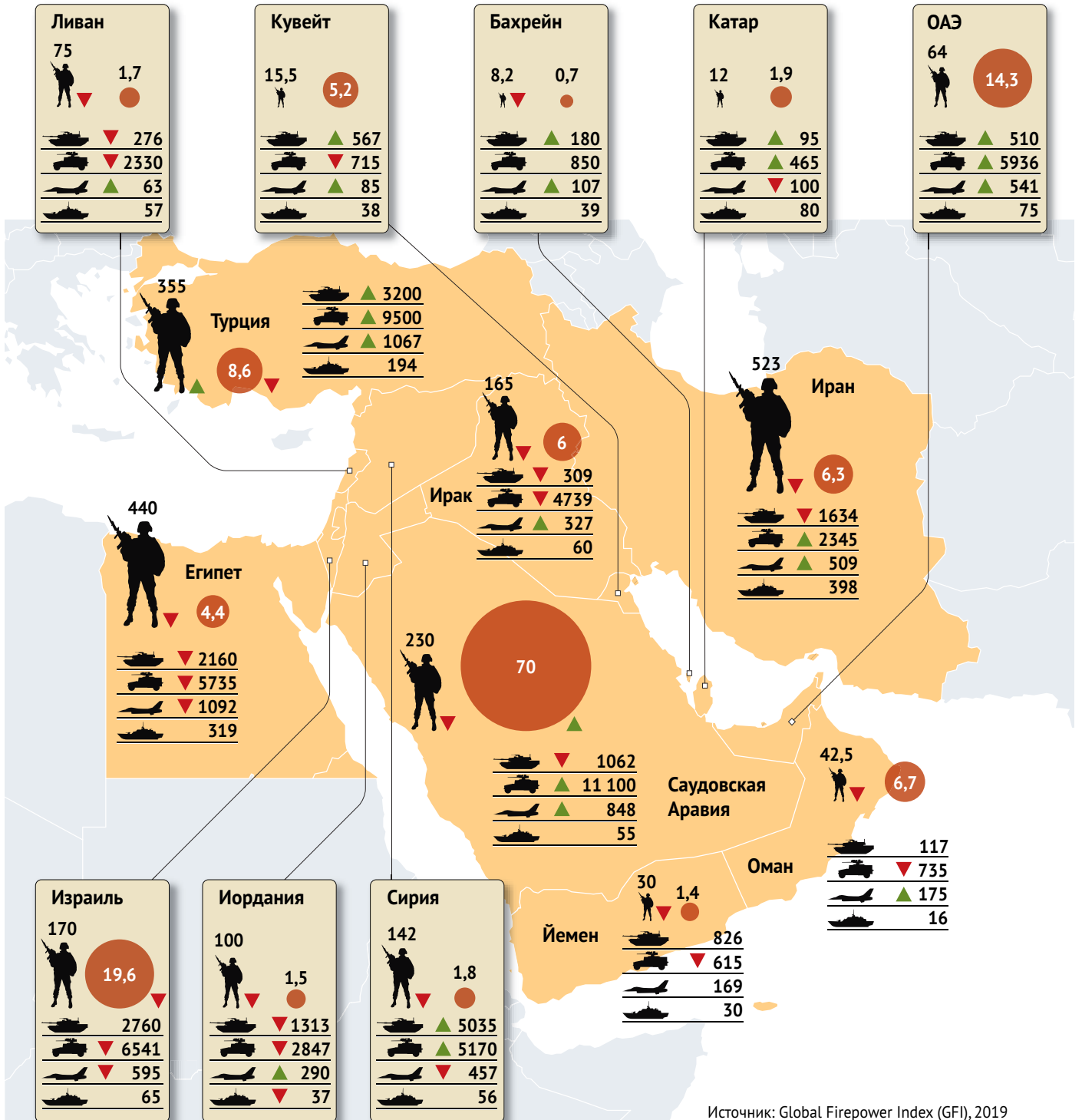
Подобное развитие ситуации в Ливане, Сирии и Ираке будет способствовать маргинализации проблемы ближневосточного урегулирования в мировой политике и международном общественном мнении. С продолжением ирано-саудовского противостояния это означает сохранение негативного тренда в урегулировании палестинской проблемы.

Что же касается катастрофического сценария для стран Благодатного полумесяца, то фактически он означает возникновение новых конфликтов и рост вооружённого противостояния во всём регионе. Уже пережитый многолетний опыт политического насилия, высокий уровень милитаризации обществ, вхождение в активный возраст «потерянного поколения» в совокупности с сохранением в регионе ушедших в подполье, но имеющих значительные ресурсы джихадистских сил делают ситуацию особенно опасной.

Ухудшение обстановки в странах Благодатного полумесяца, в свою очередь, может стать катализатором негативной динамики в субрегионе Залива. Эта негативная динамика поставит под угрозу прежде всего Саудовскую Аравию, переживающую период сложных и чрезвычайно болезненных реформ. Помимо внешнеполитических угроз, связанных с ирано-саудовским противостоянием, наличием ожесточённых конфликтов в сопредельных

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Число военнослужащих (тыс. чел.)
 Военный бюджет (млрд \$)
 Танки
 Бронемшины
 Боевые самолеты/вертолеты
 Боевые корабли
 Рост/падение по сравнению с прошлым годом

Источник: Global Firepower Index (GFI), 2019

странах и деятельностью террористических организаций, королевство может столкнуться и с целым рядом социальных и внутривластных вызовов.

Первая группа вызовов связана со сменой поколений элит и возможным обострением борьбы между элитными группами. Высокая роль политического лидерства и замыкание процесса реформ на фигуру Мухаммеда бин Салмана способствуют росту уязвимости.

Вторая группа вызовов включает вероятный рост социальной напряжённости под воздействием быстрых реформ. Проводя их, саудовское руководство опирается на широкую социальную базу городского населения, но всё же изменения могут встретить серьёзное сопротивление как минимум с трёх сторон. Во-первых, со стороны консервативно настроенной части населения (включая традиционные элиты), чувствующей в них угрозу своим интересам и привычному образу жизни. Во-вторых, со стороны маргинализованного населения городских окраин, обычно склонного к архаизирующей радикализации. И наконец, в-третьих, со стороны либерально настроенной части общества, недовольной недостаточно радикальным характером происходящих в королевстве изменений.

Третья группа вызовов по-своему традиционна для саудовского общества – она несёт в себе угрозу его внутривластной, идеологической и конфессиональной фрагментации. Осуществляемый сегодня в королевстве проект новой национальной консолидации и быстрого завершения затянувшегося процесса формирования единой гражданской нации, безусловно, необходим: так или иначе по тому же пути идут и другие страны Залива (например, катарский кризис тоже способствует перестройке общества). Однако этот проект связан с сопротивлением традиционных регионалистских, трибалистских и конфессиональных групп, что вполне может быть использовано внешними врагами королевства в случае обострения региональной конфликтности.

Это не означает неизбежности негативного сценария для Саудовской Аравии и ряда зависящих от неё государств. В конечном счёте нет ни одного системного игрока, который был бы заинтересован в подобном развитии событий, а имеющиеся в королевстве традиционные механизмы медиации и решения социальных противоречий вкуче со значительными финансовыми ресурсами до сих пор показывали свою эффективность.

Тем не менее стоит помнить о том, что негативное развитие событий на Аравийском полуострове окажет дестабилизирующее влияние на весь

регион и прежде всего на Египет, который имеет тесные экономические, гуманитарные и военно-политические связи с Саудовской Аравией и ОАЭ. Приостановка или существенное сокращение финансовой помощи из стран Залива и вынужденное возвращение в Египет миллионов трудовых мигрантов может привести к дестабилизации политической ситуации в стране и обострению существующих противоречий, на сегодняшний день скрытых. Внутривосточное ослабление Египта, в свою очередь, скажется и на его внешней политике, что приведёт к ослаблению его и без того пошатнувшихся позиций в вопросе о распределении вод Нила. Катастрофичность подобного сценария очевидна, и это способствует укреплению саудовско-египетского взаимодействия, в рамках которого правительства двух стран должны быть заинтересованы во взаимной поддержке.

Наконец, ещё один негативный сценарий для восточной части БВСА связан с возможной дестабилизацией Ирана. Рост санкционного давления, стремление внешних игроков раскачать ситуацию в Исламской Республике, обострение борьбы между элитами и подпитка реваншистских настроений у населения теоретически могут стать катализаторами подобного развития событий. Вместе с тем сложность иранской политической системы, большой опыт работы с массовыми протестами и наличие до сих пор действенной мобилирующей идеологии, периодически подпитываемой извне актами анти-иранской агрессии, создают серьёзные стабилизирующие механизмы.

Естественно, перемены в Иране не могут не сказаться на союзниках Исламской Республики в Ливане, Сирии и Ираке, а также на ситуации в Заливе. Однако точка зрения, согласно которой существенное ослабление Ирана приведёт к немедленному улучшению обстановки в этих странах, представляется ошибочной. Это послужит дополнительной мотивацией в борьбе за собственные интересы и для проиранских военно-политических структур, и для радикально настроенных сил в Тегеране. Результатом станет рост вероятности негативных сценариев в странах Благословенного полувека.

Позитивные сценарии: взаимобусловленность

Перечень позитивных сценариев значительно короче, чем негативных.

Исходным требованием для их реализации является сохранение стабильной ситуации в Иране и Саудовской Аравии, где должен быть продолжен начатый курс на реформы. Необходимость сосредоточения на вопросах национального развития в совокупности с ростом угроз, связанных с региональной конфронтацией и снижением доверия к США, демонстрирующих

в последние годы не только непредсказуемость, но и ненадёжность, могут создать необходимую мотивацию для разрядки, признаки чего наблюдались в конце 2019 г.

Следующим этапом нормализации будет выстраивание системы коллективной безопасности в зоне Залива и шире – во всей Западной Азии. Она может базироваться на инклюзивных механизмах с участием всех государств Залива (ССАГПЗ+2), на ирано-саудовских договорённостях или же на системе двусторонних соглашений между основными государствами Залива. Она может охватывать весь спектр вопросов региональной безопасности или же только их часть, может предполагать использование уже существующих механизмов в ССАГПЗ или же базироваться на новых. Вне зависимости от выбранных подходов и форматов её создание будет способствовать долгосрочному снижению напряжённости.

Разрядка в ирано-саудовских отношениях заставила бы правительства двух стран более интенсивно искать компромиссы по целому ряду региональных проблем, включая конфликты в Сирии и Йемене, ситуацию в Ираке и Ливане, что в сочетании с благоприятными условиями в этих странах могло бы привести к нормализации обстановки во всём регионе.

Впрочем, не все в регионе окажутся бенефициарами в результате подобного развития событий. Поскольку его естественным следствием станет выход на первый план международной повестки палестинской проблемы, Израилю придётся действовать на опережение, укрепляя свои позиции. В перспективе это чревато новой эскалацией ближневосточного конфликта.

Кроме того, нормализация ирано-саудовских отношений может стать угрозой для Турции, которая превратится в естественного противника двух ближневосточных гегемонов, причём не только политического, но и идеологического. Это мотивирует Анкару активнее поддерживать своих союзников в регионе – в частности, Катар (нормализация отношений с которым вовсе не станет для Эр-Рияда прямым следствием примирения с Тегераном) и египетских «Братьев-мусульман». Учитывая сохранение в Египте целого комплекса политических, социальных и экономических проблем, с одной стороны, и снижение заинтересованности Саудовской Аравии в египетской военно-политической поддержке в условиях спада внешнеполитической напряжённости – с другой, это может способствовать росту внутриегипетской социально-политической нестабильности.

Наконец, ирано-саудовское сближение станет вызовом и для ОАЭ, которые на этом фоне утратят положение главного регионального союзника Эр-Рияда и будут заинтересованы в ещё большем усилении своих позиций, прежде всего – через поддержку дружественных им сил в Йемене.

Магриб: три пути

Обстановка в Магрибе в обозримой перспективе будет лишь косвенно зависеть от восточной части ближневосточного региона. Ключевыми фигурами тут, по всей видимости, станут Ливия и Алжир, ситуация в которых так или иначе будет сказываться на всём субрегионе. А подходы европейских государств и ЕС в целом будут играть для Магриба несравненно более значимую роль, чем раньше.

С учётом данных обстоятельств можно предложить три основных сценария.

Первый предполагает поддержание приблизительного статус-кво. Это означает, в частности, что алжирскому руководству удастся успешно завершить политический транзит, достигнув баланса сил между различными группами интересов в политической элите, предпринять эффективные шаги по борьбе с коррупцией, уменьшить видимое участие армии в государственном управлении и начать необходимые экономические реформы. Последнее, впрочем, в перспективе чревато ростом социальной напряжённости, что будет грозить новыми испытаниями для политического организма.

Позитивная динамика в Алжире может способствовать нормализации алжиро-марокканских отношений, снятию с повестки дня проблемы Западной Сахары (хотя и без окончательного её урегулирования). Отдалённым следствием этого видится постепенное продвижение к внутримагрибской интеграции.

Этот сценарий предполагает также сохранение текущей конфигурации ливийского конфликта, который, несмотря на всю свою драматичность, сегодня оказывает лишь ограниченное воздействие на региональную ситуацию. Чтобы это воздействие не возросло, Ливию нужно оградить как от притока джихадистов из других конфликтных зон, так и от роста роли внешнего фактора.

Второй сценарий допускает радикализацию массовых протестов в Алжире и неспособность политических элит найти компромиссы между собой и с протестующими. Это может привести к активизации джихадистских движений, в том числе с участием ветеранов сирийского и ливийского конфликтов, которые увидят здесь шанс на исторический реванш. Рост политического насилия в стране, однако, будет включать в себя не только исламистскую составляющую, но и берберский этнонационализм, прежде всего, в горной Кабилии.

Зажатый между двумя конфликтными зонами, слабый в военном отношении, переживающий затяжной экономический кризис Тунис — родина нескольких тысяч воюющих по всему миру джихадистов — при таком развитии событий оказывается в чрезвычайно уязвимом положении.

Наконец, третий — позитивный! — сценарий предполагает не только успешный политический транзит в Алжире, но и урегулирование ливийского конфликта, что будет способствовать более широкой субрегиональной интеграции и усилению тренда на ограниченную европеизацию Магриба.

Последние два сценария представляются сегодня менее вероятными, чем первый. Ни один из проектов урегулирования конфликта в Ливии до сих пор не был реализован даже частично. Наличие в стране огромных запасов оружия и больших финансовых ресурсов в совокупности с неготовностью внешних игроков вкладывать существенные военно-политические инвестиции в процесс урегулирования делает его практически несбыточным. Что же касается урегулирования через военную победу одной из сторон, то в условиях чрезвычайной слабости институтов оно отрежет путь к поиску компромиссов и не сможет обеспечить формирования сколь-либо инклюзивной политической системы.

Общерегиональный уровень: фрагментация, дезинтеграция, интеграция

Если перейти от субрегионального уровня анализа к региональному и посмотреть на БВСА как на некую целостность, можно заметить, что все многообразные сценарии развития различных его составляющих можно разделить на три большие группы: фрагментационные, дезинтеграционные и интеграционные.

Фрагментационные предполагают полную утрату регионального единства и превращение Ближнего Востока в мозаичный хаос, набор мало связанных друг с другом элементов, где отдельные точки роста будут соседствовать с широкими зонами вооружённых конфликтов и распада государственности, а гибридные формы безыдейного авторитаризма и неинституционализированной демократии станут почти неотличимы друг от друга. Огромное пространство от Атлантического океана до Ирана превратится в огромную «Зону» из «Пикника на обочине» братьев Стругацких, куда

в поисках лихой удачи потянутся отчаянные сталкеры. Попытавшись отгородиться санитарными кордонами от «Зоны», глобальные державы начнут рассматривать её как территорию для выяснения отношений, реализации амбиций и подтверждения собственного статуса.

Такой катастрофический для всего человечества поворот в судьбе региона произойдёт, если основные игроки окончательно откажутся от внешнеполитического прагматизма.

Последние годы продемонстрировали довольно высокий уровень авантюризма как у региональных, так и у некоторых глобальных акторов. Однако порождён он, как представляется, принципиально разными обстоятельствами. У региональных игроков, всегда зависевших от «мировых гегемонов», он связан с недостаточным осознанием пределов собственных возможностей и вероятных рисков, а также с порочным кругом дилеммы безопасности.

С глобальными игроками дело обстоит иначе. Ближний Восток, играя значимую роль в мировой политике, ни для кого из них не является пространством жизненно важных интересов. С 2003 г. в Ираке и Ливии Запад (и в особенности США) несколько раз демонстрировал готовность к самым безответственным шагам, последним из которых стало убийство командующего силами «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции Касема Сулеймани и заместителя командующего Сил народной мобилизации Ирака (Хашд аш-Шааби) Абу Махди аль-Мухандиса вместе с сопровождавшими их лицами.

Именно непоследовательность и непрогнозируемость действий Вашингтона, столь свойственные ему в последнее время, могут выступить ключевым драйвером фрагментационного сценария.

Другой причиной фрагментации, вероятно, способно стать обострение уже существующих или формирование новых конфликтов. Неспособность правительств адекватно и своевременно отвечать на нужды населения является хоть и важным, но не единственным источником конфликтогенности. Поводом тут могут быть и перенапряжение социумов от ускоренных реформ, и деятельность внешних сил (прежде всего, антисистемных игроков, таких, как запрещённые в России «Аль-Каида», ИГИЛ, и других, накопивших за последние годы финансовый и человеческий потенциал), и эхо конфликтов в приграничных государствах, и объективная невозможность решить жизненно важные проблемы в краткосрочной перспективе. Неэффективность

международных усилий по урегулированию конфликтов также создаёт довольно тревожную картину.

Дезинтеграционные сценарии предполагают разновекторное развитие различных субрегионов Западной Азии и Северной Африки, при котором нормализация ситуации в одних либо никак не будет сказываться на других, либо же будет иметь отрицательный эффект. Последнее возможно в случае продолжения, с одной стороны, переноса субрегиональных противоречий в соседние пространства (из ИРИ – КСА в Ливан, Сирию и Ирак, из КСА/ОАЭ – Турции/Катара в Ливию и так далее), а с другой – вытеснения дестабилизирующих социальных элементов в зоны вооружённых конфликтов. Широкое распространение этих практик в последние годы стало одним из важных факторов уже начавшейся дезинтеграции Ближнего Востока.

Причиной дезинтеграции также может послужить стремление отгородиться от негативных политических процессов, чтобы более глубоко сотрудничать с другими региональными пространствами. Примеры такого подхода дают магрибианские государства – пытающийся минимизировать приграничные отношения с Ливией Тунис или закрывшее границу с Алжиром Марокко. При этом оба государства делают ставку на активное развитие отношений с северными партнёрами.

Этот сценарий предполагает распад Ближнего Востока и Северной Африки на несколько мало связанных между собой пространств, каждое из которых либо превращается в отдельный политический регион, либо присоединяется к какому-то иному, формируя новое региональное единство – например, средиземноморское.

Наконец, третий, интеграционный вариант, возможен в случае позитивных изменений в каждой из частей всего Ближнего Востока и Северной Африки. Он предполагает сохранение единства этого политического региона на базе новой архитектуры и обновлённых международных институтов. Для воплощения этого сценария необходимы следующие условия: нахождение компромиссов между тремя существующими сегодня альянсами (саудовско-эмиратско-египетским, турецко-катарским и иранским), подключение к реинтеграционному процессу других крупных государств (Алжир, Ирак) и позитивные изменения в дестабилизированных странах.

Очевидно, что ни один из приведённых сценариев не может быть реализован в чистом виде, однако их описание позволяет наметить основные линии дальнейшего регионального развития.

Будущее Ближнего Востока и Россия

Став одним из ключевых внешних игроков, Россия столкнулась с целым рядом угроз, вызовов и рисков, в том числе гибридного характера, непосредственно затрагивающих её национальную безопасность, экономические и политические интересы. Для их отражения ей пришлось повысить уровень своего присутствия на Ближнем Востоке, и в последнее десятилетие её роль в этой части мира заметно возросла.

Взаимодействие России с разными ближневосточными государствами, в том числе находящимися в конфликтных отношениях между собой, нередко приобретает характер стратегического партнёрства и предопределяет её влияние. Москва категорически не приемлет внешнее вмешательство во внутренние дела государств, выступая против инспирирования, поддержки «цветных революций» или стратегий «смены режимов».

Теперь, какие бы сценарии для региона ни воплотились в жизнь в результате сложных трансформационных процессов, нет сомнений в том, что Россия сохранит высокую степень вовлечённости в развитие ближневосточных событий.

Конструктивная равноудалённость, честное брокерство, отвержение авантюристских попыток внешних и некоторых региональных игроков бездумно заменить существующий порядок хаосом, жёсткое противодействие терроризму и экстремизму – всё это способствует повышению шансов на победу позитивных сценариев.

Разумеется, Ближний Восток не застрахован от появления новых «чёрных лебедей», способных резко изменить ландшафт будущего и опровергнуть даже самые осторожные прогнозы. Цель России, действующей предсказуемо и последовательно, – способствовать тому, чтобы весь Ближний Восток развивался по тем же принципам.

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

 valdaiclub

 ValdaiClub

 valdaiclubcom

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ